

О. А. Фёдорова (2 курс, ФМФБИ), К. Е. Пряхин, к.ф.н., асс.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА ДЕТЕРМИНИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ИСТОРИИ

Двусмысленность истории: история как наука о прошлом человечества оправдывает идеал научной строгости обоснования своего предмета. Она стремится обрести объективный характер позитивного знания путем введения универсальной объяснительной процедуры (методологического свойства) через установление каузальной зависимости между отдельными явлениями и фактами прошедшего времени. История обосновывается фактом своего свершения и, стало быть, не допускает объяснительных процедур сущности исторического познания в рамках самой исторической науки. Это объясняется следующим образом: способ, которым история в качестве метатеории выявляет рациональный характер взаимосвязи между событиями прошлого, указывает на то, что сама историческая наука в качестве особой познавательной процедуры становится событием человеческой истории. Этим исключается возможность самообоснования и самоистолкования истории в рамках тех теорий, основанием которых она является. Иными словами, историческое мышление, став фактом нашего сознания (а такое событие совершается однократно и притом необратимым образом), может получить характер методологической схемы только в аспекте феноменологического раскрытия историчности нашего сознания.

То, что в области сознательных явлений предстает в виде феномена, в теории эволюции видов выступает в качестве мутации наследственных признаков. И то, и другое определяет дальнейший характер эволюции в рамках набора возможностей. Историческое исследование является неотъемлемой частью науки о жизни, поскольку всякая систематическая классификация живых существ связана с гипотезами о происхождении видов. В работах Дарвина мы находим непрерывный переход от теоретического изучения (законы наследственности) к историческому воссозданию: сравнение видов, разделенных географически или же деятельностью животноводов, ему представляется как сам образ творения природы в ходе времени. Дарвин признавал чрезвычайно малую зародышевую изменчивость (он также верил в наследование приобретенных признаков до такой степени, что его мало волновала проблема изменчивости). А большинство современных биологов не признают наследственный характер приобретенных признаков. При таких условиях мы вынуждены противопоставлять нормальным фактам наследственности (перенесению признаков) гипотезу об эволюции, требующей зародышевых вариаций. В то же время биологи не знают большей силы, сравнимой с потребностью или с естественным отбором, которая обладала бы возможностью объяснить то, что они не понимают. Дарвин мог удовлетвориться чрезвычайно малыми вариациями (изменениями), потому что затем естественный отбор берёт на себя всю работу. Но минимальных различий, даже благоприятных для живого существа, недостаточно для его выживания. Устройство зародышевых частиц остается тайной. Отбор, который защищают биологи, потерял свою созидательную способность. Он элиминирует, но ничего не изобретает, он отбирает, но часто случайно. Больше не думают о том, какой потребности достаточно для появления органа или какой среды, чтобы детерминировать адаптацию. Биолог располагает для объяснения эволюции явлением частных мутаций слабой амплитуды и всем негативным отбором. Таким образом, необходимым становится проведение разграничительной линии между установлением исторических фактов и объяснением изменений.

Историческая наука строится на уверенности, что заранее известно, какие факторы объяснения истории являются основными, а какие второстепенными. Проблема лишь в более строгой интерпретации. Феноменология выставляет требования интерпретации событий истории, очищенных от предварительных схем истолкований.

Логики и литераторы также признают необходимость отбора. Возникает спор между логиками и литераторами по поводу отбора. Для дальнейшего раскрытия проблемы нам важны результаты этого спора. Теория Риккерта (отбор, осуществляемый посредством основных ценностей всей совокупности событий) ограничивается логическим оформлением банальной идеи: каждый отбирает те идеи, которые по той или иной причине его интересуют. Сходным образом оформляется концепция эффективности: историческими являются те факты, которые оказали воздействие на последовательность становления. Нельзя сказать, что обе эти теории не соответствуют, по крайней мере частично, типу отбора, действительно признаваемому историками. Если придерживаться абстрактных формулировок, то можно объяснить безразличие историков к литературным критикам и логическим доказательствам. Для них имеет мало значения то обстоятельство, что солдатская шинель Фридриха исчезла! Этот факт не помнят историки, но никто из них не забудет план сражения. Хотя битва и сконструирована, но не носит пассивного характера. Пример с битвой ориентирован на её завершение (столько-то земли было выиграно, столько-то людских потерь понесли). До сих пор мы пренебрегали тем, что понимание обладает ретроспективным характером. В общем мы обозначили идею перспективы. Теперь важно ее уточнить и углубить. Противоположность между законченной и незаконченной эволюцией абсолютна, если сравнивать две фрагментарные эволюции друг с другом. В банальном смысле слова Французская революция давно закончилась. Благодаря обновлению и новизне интереса, который привносится настоящим в прошлое, все эпохи становятся понятными. Таким же образом можно было показать тройную актуальность борьбы, которая раздирала Афинскую и Римскую республики.

История есть познание, которое формулируется словами, завершается фразами. Следовательно, главной проблемой является проблема понятий. Можно ли возразить, что никто не будет искать приемлемых понятий в сознаниях людей неизвестных и немощных? Не представлен ли со всей очевидностью капиталистический режим внешнему наблюдению? Определение, которое по крайней мере не сводится к перечислению, нуждается в отборе элементов, который заключается не в забвении или сохранении некоторых из них, а в расстановке их по местам. Наконец, самобытность режима определяется в истории и через историю.

Возьмём один пример, связанный с битвой. Здесь множество поступков завершается глобальным результатом. Римская империя является одновременно идеей и непосредственно эффективной и очевидной державой. Разные примеры: здесь возникает разрыв между индивидом и целым. На других примерах мы могли бы больше оттенить идею: люди делают свою историю, но они не знают свою историю, которую делают.

Человеческое общество представляет собой открытую систему, подверженную многочисленным флуктуациям, которые способны качественно изменить параметры взаимоотношений между людьми и даже существенно преобразить их сознание. Вместе с тем факторы развития не рационализируются простым перебором возможностей эволюции. В сфере общественных отношений они представляют собой тот невидимый элемент, который, выступив в редуцированном сознанием виде как основание новых взаимоотношений, определит будущее состояние системы. Следствием этого является ограниченность детерминистических предсказаний в социальной сфере.